

193. Запись беседы посла СССР при временном правительстве Французской республики с председателем временного правительства Французской республики

15 февраля 1945 г.

В обстановке обычного приема 15 февраля вручил де Голлю свои верительные грамоты, так как французы не хотят даже опубликовывать эти акты, чтобы не было лишних разговоров.

Хотел взять с собой к де Голлю Козырева и Сулопарова. Протокольный отдел попросил меня прийти одного, “так как генерал хочет иметь с вами конфиденциальную беседу”.

Явился один, передал де Голлю грамоты и, так как он сам не начинал серьезной беседы, спросил его о решениях Французского правительства по поводу тех предложений, которые содержались в Декларации Крымской конференции и в тех отдельных сообщениях, которые были переданы ему тремя послами, а министру иностранных дел Бидо – послом США Кэффри. Де Голль сделал обиженную гримасу и начал с того, что вопрос о неучастии Франции на конференции не есть вопрос национального самолюбия для Французского правительства, а вопрос об исторической ответственности за эти решения. “Я не говорю о мнении народа”, – добавил де Голль, желая, по-видимому, сказать, что народ обижен, но что правительство стоит выше этого и думает только об империи.

Спросил де Голля, скоро ли можно ожидать ответа на вопросы конференции, адресованные к Франции.

Де Голль ответил, что на конференции в Думбартон-Оксе Франция не участвовала и не знает деталей обсуждения вопросов. Сейчас Франция приглашена к участию в Совете Безопасности, но не знает, что и как будет обсуждаться и решаться в этой комиссии.

Франции предлагают даже приглашать какие-то державы на конференцию в Сан-Франциско, чтобы выработать международную хартию. Как может Французское правительство приглашать кого-нибудь на конференцию, если оно не знает, зачем созывается эта конференция и какие вопросы будут на ней обсуждаться.

Что касается участия Франции в оккупации Германии, то Франция говорит да и настаивает на оккупации Рейнской области. Немного погодя де Голль добавил: “Рейнскую область мы оккупируем в любом случае, то есть если не теперь, то после. Этот вопрос для нас решен”. Вообще решения Крымской конференции, кроме решений о разгроме Германии, очень теоретичны. Ни вопросы Рейна, ни Одера не решены. “Я предпочел бы более конкретные решения”.

Ответил де Голлю, что решения Крымской конференции важны, как серьезное начало будущего переустройства Европы, и в частности решения германской проблемы.

Всякого рода конференции и советы для того и создаются, чтобы совместно изучать обстановку и найти правильные решения, приемлемые для обеспечения мира. Если бы можно было сразу решить все конкретные вопросы, то это было бы идеально, но едва ли это возможно. Де Голль заметил, “что стоят все эти международные совещания, если США приведут на них все Никарагуа, которых много в Америке”. Ответил де Голлю, что даже и вопрос об участии Никарагуа должен быть обсужден. Де Голль вяло согласился, что, конечно, надо обсуждать все эти вопросы, по все же решения Крымской конференции теоретичны. “Возьмем вопрос о Контрольной комиссии в Германии. Мы приглашены в ней участвовать. Но что будет делать эта комиссия?” Я возразил, что основные функции этой Контрольной комиссии намечены с достаточной ясностью в Декларации. Де Голль не согласился и продолжал ворчать, утверждая, что ему это неясно. Я спросил, как же он собирается отвечать на вопросы конференции, выдвинутые перед Францией, так как я надеюсь, что общее его впечатление от работы конференции все же благоприятное. Де Голль в раздражении, возможно, не заметил, что его характеристика работы конференции была слишком пессимистична.

Он ответил, что в целом он, конечно, считает, что конференция дает очень много положительного, но остается и много неясностей. Французское правительство, вероятно, ответит согласием на предложения трех, но потребует пояснений по ряду вопросов, прежде чем вносить какие-либо предложения.

Я еще раз попытался сказать, что решения конференции упрощают и уточняют некоторые вопросы, например о Польше. Де Голль опять заволновался.

Нет, ответил он, именно с Польшей ничего не ясно. Конференция ничего не сказала конкретного о Польше. Я ответил, что конференция констатировала ряд конкретных факторов касательно Польши и высказала предложения, которые должны укрепить существующее положение и завершить решение польского вопроса, который, по сути дела, уже решен самой жизнью. Де Голль спросил: “А где же польский народ?” Я ответил, что, во всяком случае, не в Англии, а в Польше. Я сказал, что польский народ сам решает свою судьбу.

Де Голль еще раз сказал, что “в общем” Французское правительство удовлетворено решениями Крымской конференции.

А. Богомолов